

НИКОЛАЙ СВЕЧИН
ИВАН ЛЮБЕНКО

СМЕРТЕЛЬНЫЕ
ТАИНЫ

СБОРНИК ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕТЕКТИВОВ
О КЛАДАХ, ЯДАХ, ПРИВИДЕНИЯХ И МАНЬЯКАХ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Оформление серии
Андрея Саукова, Филиппа Барбышева

Иллюстрация на переплете
Филиппа Барбышева

Свечин, Николай.

С24 Смертельные тайны : сборник исторических детективов о кладах, ядах, привидениях и маньяках / Николай Свечин, Иван Любенко. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-102425-3

Иногда смерть — лишь начало.

В сборнике исторических детективов Николая Свечина и Ивана Любенко действуют не только полюбившиеся читателям сыщики Алексей Лыков и Клим Пантелеевич Ардашев, но и призраки отравленных невест, обезглавленные пассажиры колясок без кучера на козлах, кровожадные питоны... Какой только нечисти не водилось в дореволюционной России!

Раскрывать преступления, в которых замешаны потусторонние силы, — что может быть опаснее и увлекательнее?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Любенко И., 2019

© Свечин Н., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102425-3

Николай Свечин

ЗЛЫЕ ЛЮДИ

Вице-губернатор Всеволожский в воскресенье вызвал Благово запиской к себе на дом. Андрей Никитич занимал квартиру во втором этаже корпуса губернского правления. Говорили, что в 1799 году в ней оставивался Павел Первый. Шесть больших комнат окнами во двор вице-губернатору, как холостяку, показалось много, и он отдал две из них для размещения кремлевских служителей.

Выяснилось, что именно по их просьбе Всеволожский и побеспокоил начальника сыскной полиции в неприсутственный день. Андрей Никитич привел седого, но еще крепкого старика, сорок лет трудившегося истопником в канцелярии губернатора, и сказал:

— Вот, дедушка, лучший в России сыщик после Путилина. Только Путилин в Петербурге, а Павел Афанасьевич здесь. Все ему и расскажи. Называй его «ваше высокоблагородие». Садись.

Истопник нерешительно присел на краешек стула, с надеждой посмотрел на коллежского советника.

— Так что, ваше высокоблагородие, сестра у меня живет в Сергачском уезде. Варварой кличут. А село называется Сосновка. Четыре-на-сто дворов, большое село... В трех верстах от них другое есть село — Вершинино...

— Это то самое, где люди пропадают?

Истопник оглянулся удивленно на Всеволожского, тот довольно кивнул:

— Видишь? Я же тебе говорил — ему все известно.

Тут только до вице-губернатора дошел смысл сказанного, и он опешил:

— Павел Афанасьевич! В нашей местности такое творится, и, судя по вашей реплике, не один год; вы это знаете и ничего не делаете? Как же так?

— Андрей Никитич, я же отвечаю за уголовный сыск исключительно в губернском городе! В уездах своя полиция, мне неподведомственная, а вам и Кутайсову подчиненная. Несмотря на то, что формально меня эти дела не касаются, я трижды обращался к губернатору. Последний раз это было в прошлом, семьдесят восьмом, году. И к вам я тоже с этим подходил. Помните, в марте? Предлагал покончить с разбойничьими делами и выказывал готовность помочь в том местной полиции. Кутайсова не заинтересовали мои предложения. А вы что мне тогда ответили?

— Да... припоминаю... Там началась посевная, не хватало, как всегда, семян; потом я заболел, потом открылась ярмарка... потом я забыл о вашем рапорте. Каюсь, грешен. Но сейчас обещаю вам полное содействие!

— Давайте дослушаем старика; кажется, я догадываюсь о его истории.

И дед продолжил:

— Ага. Так вот, село это, Вершинино, взаправду очень нехорошее и было такое всегда. Знающий чело-

век, когда проходит его благополучно, бежит потом в наш сосновский храм и ставит там благодарственную свечку. Среди бела дня путника раздеть могут. И ладно бы только раздевали! Жизни лишают! Вечером же или в ночь чужому идтить через Вершинино не приведи господь — верная погибель.

— Куда же смотрят становой и исправник?

— В селе том раньше стан помещался. Так двум приставам избы спалили, квартиру-то в Мигино и перевели. Исправник тоже за версту объезжает... Теперя там власти совсем никакой нет, одна разбойничья. И то сказать: как же бороться с целым селом?

— Сильно вас донимают?

— Спасу нет, ваше высокоблагородие. Парни их шибко драчливые, приходят на чужие праздники большими шайками, и завсегда с ножами да кистенями. На покосах безобразничают, запашку на наших землях делают, и слова им поперек не скажи! Бабам и девкам проходу не дают. В лес за грибами сосновские давно уже не ходят — боятся. Но самое страшное — это душегубство. Люди там пропадают, купцы, гуртовщики и просто прохожие. И об том моя история.

У сестры Варвары внучка, Тайка. Мне, стало быть, внучатая племянница... Подружилась она с одногодкой из Вершинина, на свою беду. Происходит та из семейства Ярмонкиных — есть там такая фамилия, почитай, треть села ее носит. Ну, сошлись девки неразлейвода: Тайка ходит к ней, она к Тайке...

— Сколько годов твоей Таисье?

— Тринадцатый пошел. Так вот. Варвара ее отговаривала: страшное село, не водись ты с ними... Но ку-быть ничего плохого не происходило, и махнула она рукой: гуляй с кем хочешь. Ну, и... Две недели назад как раз был Ильин день, наш сосновский храмовый

праздник. И Анютка, Тайкина подружка, у нас заночевала. Праздник же — пироги, хороводы... На другую ночь Тайка осталась у Анютки. Легли они на печи, уснули... А посреди ночи просыпается моя Таисья от какой-то возни. Всмотрелась эдак-то в темноте — а они мужика душат!

— Кто? Ярмонкины?

— Да. Их там три брата: один не годится, другой хоть брось, третий маленько похуже обоих... Старший-то уж больно здоров, настоящий богатырь, но и остальные ничего себе. И ихний отец, Сысой Егорыч; он всеми такими делами и заправляет. Тот удвери стоял, караулил...

— Задушили?

— Как есть. С четверыми-то кто совладеет?

— Если только Лыков, — сказал как бы в сторону Благово, и Всеволожский понимающе кивнул. — Дальше что было?

— Ну... Тайка моя молчит ни жива ни мертва, крик кулаком зажимает. И, видать, шевельнулась там на печке... Младший сын, Анисим, самый поганый из них, и говорит: «Дуроплясы! Забыли, что у нас чужой человек в доме? Девка, что Нюрка привела. Надо и ее сей же час удавить, чтобы свидетелев не было». Тайка моя совсем от страху обмерла. Все, думает, вот и смерть пришла... Однако лежит, не двигается, будто спит. И отец Анисиму отвечает: «Погоди давить-то; люди видели, что она к нам пошла. Проверь вначале — може, дрыхнет; детский сон крепок». Ну, Анисим влез на приступок и долго-долго смотрел и слушал, а внучка сопела, будто спала. И они поверили и не убили ее... А утром чуть свет, когда Ярмонкины задремали, Тайка тихохонько встала — и бежать! А от Вершинина до Сосновки три версты. Вот бежит девка, нету еще

никого, она и думает: а ну как хватятся? Догонят да задавят. Дайкось я спрячусь!

— Молодец!

— Еще не молодец — она себе жизнь этим спасла! Только в стог забралась, смотрит — братья скачут за ней на лошадях! Двое. Ищут, а найти не могут. Аккурат мимо нее проехали, ругаются. Анисим второмуто говорит: «Жалко, тятя не дал ее ночью кончить, теперь она нас выдаст». Да... Просидела Тайка так часа два, люди вышли в поле работать, она и вылезла. Прибежала домой чуть живая со страху. Рассказала все бабушке с матерью, те в ужаси впали. Что делать? Мужика в доме нет — он в Москве, на заработках. Пошли к батюшке. Отец Матфей выслушал и говорит: «По совести, надо бы властям сообщить, а по уму — не надо. Власти приедут и уедут, а вам тут жить. Вершининоте под боком. В любую ночь явятся, двери подпрут да и спалят!» Изба у наших опять же в Завернихе — это конец, что к мельнице идет, там народу мало... Ну и побоялись, конечно. Варвара сказала своим: мы ничего не видали, не слышали, держим рот на замке. Дружба с Нюркой, понятное дело, прекратилась; никто ни к кому не ходит, тишина...

Вот. Прошла неделя. А в субботу приехал к ним старший Ярмонкин. Зашел в горницу, шапки не снял, на образа не перекрестился. Состроил звероподобную харю и говорит Варваре:

— Где твоя внучка, Тайкой кличут?

— На Панинской стороне гуляет.

— Зови ее сюда!

— Это зачем?

— Разговор имею.

Вот. А Варвара моя шибко умная. Она тому Ярмонкину и говорит:

— Ты нас, Сысой Егорыч, не трогай. Мы люди тихие, осторожные, никогда ничего не болтаем излишнего. Нету у нас такой привычки. Я за этим слежу строго. Оставь ты нас, а мы и что знали, все забыли.

Покойно так говорит, без невров. И Ярмонкин ушел. Сказал: «Ладно, но штоб могила», и все вроде бы как обошлось. Еще неделя минула, бабы мои уж и забывать стали. А позавчера подалась моя Варвара по воду, а мимо идет сосед пьяный, Васька Кауркин, лодырь и озорник. Из кабака-те идет. У нас в Сосновке только питейная лавка, а в Вершинине кабак... И говорит он сестре:

— А Тайку твою того... приговорили...

Варвара так ведра и бросила:

— Кто приговорил, за что? Бай, пьяный черт!

— А братья Ярмонкины сказывали давеча. Водку мы вместях потребляли... Они и бают. Видала она, што ли, што не положено... Вобщем, конец ей таперь; братья сказали — удавят!

Варвара, как услышала эти Васькины слова, спохватала дочь со внучкой и к батюшке. Даже избу не заперла. Переночевали они, а утром отец Матфей сам их на подводе в Сергач увез, спасибо ему за это и Божья благодарность. Из Сергача на дилижансе они вчера ко мне приехали и все это рассказали. А теперь дайте совет, ваше высокоблагородие: как им дальше жить?

— Дедушка, назовись-ка сперва.

— Лоллий Иванов Смыслов, ваше высокоблагородие.

— Так вот, Лоллий Иванович. Вопрос твой не простой. О том, что в Вершинине неладно, я знаю давно. Больше скажу: в нашей губернии таких еще три села. Сделать с ними что-то очень трудно, потому как там все заодно. Выселять бы надо такие общества в Сибирь, поголовно, до последнего человека. Но закона

на это нет... Поэтому вычистить это поганое место на-совсем, чтобы вам стало спокойнее, не получится. Но наказать и дать острастку — можно. Мы туда нагрянем. Пусть пока твои женщины у тебя поживут, неделю-другую. Когда им спокойно станет вернуться, я скажу.

Истопник долго молча смотрел на Благово, потом решился:

— Ваше высокоблагородие, а может, не надо? Лучше никак, чем так. Вы нагрянете, схватите кого-нито, пошумите, пострашаете, да и уедете. Никто ведь в Со-сновке полицейский пост не оставит. А их там три-на-сто человек, они сами кого хошь застрашают. И ка-ково будет Варваре туда вернуться? Зарежут их всех. Выждут какое время и зарежут.

— Лоллий Иваныч, я это понимаю. Просто при-ехать и сказать: да я вас в порошок сотру! — это делу не поможет. Надо так сказать, чтобы до печенок про-няло, чтобы не вы боялись, а они. Это трудно и может не получиться, но средства такие у нас есть. Вот, здесь его превосходительство господин вице-губернатор. Власть. Он даст мне команду; считай, уже дал (Всево-ложский при этих словах энергично кивнул). И мы займемся этим змеюшником. Дело ведь не только в твоей Варваре; давно там пора подмести... Сколько можно людей убивать?

Смыслов поблагодарил и ушел. Видно было, что речь Благово его не убедила и он сам теперь не рад, что затеял этот разговор. Как только дверь за ним закры-лась, Всеволожский присел на освободившийся стул.

— Так как же это, Павел Афанасьич?

— Вы насчет Вершинина?

— Да. Неужели у нас годами существуют места, где безнаказанно душат людей? И как мы, власть, это до-пустили?

— Эх, Андрей Никитич. Кутайсов здесь высшая власть. Вот и ответ на ваш вопрос. А места, о которых вы говорите, существуют не годами, а столетиями. И не только в России. Понимаете, есть злые люди. Дьяволово отродье, чертово семя. Иногда, необъяснимым образом, они оказываются поселенными в одном месте, как будто нечистый их там нарочно собрал. В Италии, в Римской провинции, есть деревня Артена. Убийств в ней происходит в шесть раз больше, чем в среднем по стране, а разбоев — в тридцать! Почему — никто понять не может. Просто вся деревня сплошь состоит из негодяев, и тянется это аж с четырнадцатого века. А взять Ливорно! Город как город, но — главная итальянская клоака, и опять без видимых причин. Цивилизованная Франция ничуть не лучше: по границе Арденнского леса десятки деревень, в которых проезжего незнакомца зарежут средь бела дня и никто не выдаст убийц полиции. Множество людей пропало там бесследно и пропадает до сих пор, и власти ничего не могут с этим поделать.

У нас злые люди, увы, представлены в том же изобилии. Если одна такая фамилия на деревне, то общество, как вы знаете, может от нее отказаться. Тогда их в Сибирь, на поселение, по приговору сельского схода. Но иногда такие люди объединяются, чаще всего — исторически — из-за характера их прежних помещиков. Это самое страшное... Представьте себе целое село, состоящее из такого сброда. Более ста дворов, почти семьсот человек населения, и из них половина — такие, как Ярмонкины. Вторая половина, понятно, молчит. Попробуй скажи им хоть слово поперек! И так — с прошлого столетия.

Вершинино действительно особенное поселение. Начало всему, как я уже говорил, положили помещи-

ки. При Елизавете Петровне Вершинином владел отставной поручик Балкашин. До сих пор им в тех местах детей пугают... Выйдя в отставку, поручик собрал из своих крепостных целую банду числом более пятидесяти человек, вооружил их и вступил в настоящую войну со своими соседями. Вел себя при этом как средневековый германский барон: сжигал помещичьи усадьбы, угонял пленных и скот, уничтожал посевы, грабил и убивал проезжих. Одних дворян перебито было семнадцать человек, а крестьянские души никто и не считал. Длилось это почти десять лет, и для Балкашина совершенно безнаказанно. Петербург далеко, в губернии такие же кутайсовы, как наш, да и нравы были другие. И воспитал он таким образом целую плеяду душегубов... Наконец в 1767 году через Нижний проплывала Екатерина Великая, и ей пожаловались на этого выродка. Он как раз в этом году схватил, посадил на цепь и заморил голодом помещика Салтыкова, дальнего родственника первого фаворита Екатерины. Это была ошибка Балкашина. Его наконец схватили, посадили в острог, и он умер там под следствием. Ну, и... дело спустили на тормозах, когда не стало главного злодея. Но душегубы-то его остались! Выросло целое поколение людей, которые не умели ни пахать, ни сеять, зато ловко орудовали кистенем.

Вершинино отошло в казну, но ненадолго; при Павле Первом его выкупили братья Быдреевы. Тоже лихие оказались ребята! Быстро столковались со старой балкашинской гвардией и начали разбойничать на дорогах. Помещиков соседских уже не жгли — время другое настало, но пограбили изрядно. Через соседний Лукояновский уезд проходил старый Сибирский тракт, так они на нем царили шесть лет. Кончилось тем, что против братьев выслали военный отряд; со-

стоялся форменный бой, в котором Быдреевы были убиты. После чего выяснилось, что они успели за год до этого законным образом отпустить всех своих крепостных на волю...

И получилось то, что получилось. Ничейное село, в котором сложились целые династии профессиональных разбойников. Народ там действительно злой и до чужих денег жадный. Помещика нет, священника нет, станового пристава нет — полное бандитское самоуправление. Как говорится, дружно перековали лемех на свайку. Все решают сход и староста — и сами понимаете как.

Расцвет душегубства пришелся в Вершинине на 1812 год. Тогда из Москвы на восток бежали толпы богатых людей, они везли с собой ценности и деньги. Нижний Новгород оказался переполнен беженцами и ранеными, и эвакуанты двинулись на Казань и Симбирск. Много их тогда пропало на тракте, а вершининские убийцы обогатились сказочно. Некоторые рода и по сей день живут теми запасами, отдавая деньги в рост скопцам в обеих столицах. Лет двадцать затем прошли тихо, а потом опять начали о них поговаривать, но вполголоса; прежних массовитых злодейств власть уже бы не потерпела. После 1862 года, когда выстроили железную дорогу Москва — Нижний, старый тракт потерял свое значение. Разбойничать стало труднее. На период ярмарки в губернию присылались — и присылаются, как вы знаете, и сейчас — казаки, на опасных местах устраивались заставы. И лиходелье у вершининцев стало как бы малозаметным, бытовым. Пропадают люди — ну и бог с ними...

— Понятно. Думаю, пора это прекратить навсегда. Если я правильно понял вашу реплику, вы хотите послать им Лыкова в качестве наживки?

— Да. Лыков человек сильный, бывалый и решительный. И окажется там не с пустыми руками. Главное же — Алексей будет готов к нападению, а кто предупрежден, тот вооружен. Но все равно это опасно даже для него. Неподалеку мы, конечно, разместим полицейский отряд.

— Старик Смыслов прав — мало схватить одних только Ярмонкиных на месте преступления. Как вернуть в рамки закона целое сельское общество, которое развращалось сто лет?

— Ну, здесь все очень понятно. Нужны лишь настойчивость и последовательность властей.

— Это обещаю.

— Самое главное — перевести станковую квартиру обратно в Вершинино и назначить на это опасное место подходящего человека.

— Таковой у вас имеется?

— Да. В Макарьевской части служит околоточным надзирателем Максим Палагута. Развитой, находчивый. Очень решительный! Не хуже Лыкова. Два Георгия за турецкую войну. Палагута любит принимать решения самостоятельно и, главное, все доводит до конца. В городе ему скучно и тесно, в сельском же стане, где он — хозяин, Максим развернется в достойную фигуру. Следует только назначить ему усиленный оклад приватных денег. Согласитесь: служить в эдаком месте...

— Сделаем.

— Далее. Сельские стражники. Они должны быть родом из Вершинина. Не все же там убийцы и негодяи на семьсот человек! Есть и приличные, только им ходу не дают. Особое внимание следует обратить на недавно вышедших в запас солдат из гвардейских и хороших армейских полков. Ежели, например, человек честно отслужил в Нижегородском драгунском пол-